

ВИЗАНТИЙСКАЯ ОЙКУМЕНА В ИКОНОБОРЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ*

Л. В. ЛУХОВИЦКИЙ

В 754 г. император-иконоборец Константин V Копроним попытался скомпрометировать иконопочитательскую оппозицию, представив прп. Иоанна Дамаскина агентом внешнего арабского влияния. В ответ отцы II Никейского собора в 787 г. предложили доказательства правомочности внешнего вмешательства в религиозную жизнь империи. Эта полемическая линия была продолжена в памятниках IX в. Стефан Диакон, автор Жития Стефана Нового, в 807/809 гг. представил внешнее давление на Византийскую империю внутренним, вложив в уста святого речь о географии иконоборческого мира, в которой были намеренно искажены реальные границы государств и церковных юрисдикций. Во 2-й половине 10-х гг. IX в. прп. Феодор Студит и свт. Никифор патриарх Константинопольский начали совместный дипломатический проект, призванный усилить внешнеполитическое давление на империю, вернувшуюся к иконоборческой политике. Идею обоснование этих усилий мы находим в переписке Феодора Студита и в сочинениях Никифора, написанных в период ссылки. В свою очередь император-иконоборец Михаил II Травл заимствовал эту тактику и сам решил опереться на внешнеполитическую силу — державу Каролингов — в борьбе с внутренней оппозицией. Несмотря на то что внешнеполитический проект иконопочитателей в ближайшей перспективе оказался неуспешным, поскольку привел к репрессиям в отношении его ключевого участника будущего патриарха Константинопольского Мефодия I со стороны относительно умеренного иконоборца Михаила II, он сохранился в культурной памяти византийцев.

За время иконоборческих споров в Византии карта Средиземноморья преобразилась¹. Империя вступила в эпоху иконоборчества во второй половине 20-х гг. VIII в.², еще не вполне оправившись от потери Египта, Сирии и Палестины в ходе арабских завоеваний середины VII в. и не зная, как выстраивать отношения с новым опасным соседом на восточных рубежах — державой Омейядов³. Первый император-иконоборец Лев III Исавр (717–741) в 717 г. отбросил арабов от

* Статья подготовлена в рамках проекта «Держава Ромеев от Константина Великого до Константина Багрянородного: идея единства империи» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

¹ Haldon J. The Palgrave Atlas of Byzantine History. L., 2005. P. 58–62.

² Новейшую дискуссию о времени и характере первых иконоборческих мер см. в: Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (c. 680–850): A History. Cambridge, 2011. P. 117–127.

³ Haldon J. F. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge, 1990. P. 78–84.

самых стен Константинополя, но в 20–30-е гг. VIII в. был вынужден вести с ними войны в Малой Азии, сражаясь за такие опорные пункты, как Кесария Каппадокийская и Никея. В годы правления его сына Константина V (741–775), укрепившего границы империи и на Балканах, и в Малой Азии, Византия окончательно потеряла западные владения — Неаполь и Равеннский экзархат, завоеванный в 751 г. лангобардами, а в 756 г. — франками. Византия вышла из иконоборческого кризиса только в 843 г., пережив еще одну осаду столицы (в 813 г. — болгарями), лишившись отторгнутых аббасидами Крита и Сицилии. В результате она смирилась с тем, что на Западе набирало силу мощное государство, оспаривающее правопреемство по отношению к Римской империи, — держава Каролингов⁴. После этих событий к концу иконоборческой эры границы Византийской империи и Константинопольского патриархата окончательно совпали, и Византийская Церковь стала равняться Константинопольской.

Все эти процессы не имели прямого отношения к иконоборческим спорам, хотя полемисты-иконопочитатели, рассказывая о них, как правило, настаивали на подобной связи. Яркий пример из истории взаимоотношений с Западом — налоговая реформа Льва III на Сицилии и в Италии в середине 20-х гг. VIII в., открыто противоречившая интересам папского престола, но никоим образом не связанная с вопросами иконопочитания⁵. Однако вовсе не удивительно, что в «Хронике» Феофана Исповедника (между 810 и 814 г.) между конфликтом Льва III с папой Григорием II (715–731) и иконоборческим эдиктом установлена причинно-следственная связь⁶. На наш взгляд, важно не только определить степень достоверности подобных сообщений византийских авторов (значительная часть этой работы современной наукой уже проделана), но и сконцентрировать внимание на том, как зыбкость границ делала возможной тонкую риторическую игру, в которой полемисты как с иконоборческой, так и с иконопочитательской стороны в пропагандистских целях преобразовали реальность политических и церковных юрисдикций.

Целью настоящей статьи станет исследование их методов (риторических приемов) и задач (полемических стратегий). Из этого следует, что византийские тексты, к которым мы будем обращаться, не будут интересовать нас как источник для выявления объективных исторических процессов, сдвигавших границы Византийской империи на протяжении VIII–IX вв. Наша задача заключается в том, чтобы ответить на вопрос, как и зачем каждый из авторов, вовлеченных в иконоборческие споры, рисовал в воображении читателя свою собственную карту Средиземноморья, по-новому прочерчивая границу между своим (византийским) и чужим (невизантийским) пространством и заново определяя пределы византийской ойкумены.

⁴ *Auzépy M.-F.* State of Emergency (700–850) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire* (с. 500–1492) / J. Shepard, ed. Cambridge, 2008. P. 255–260; *McCormick M.* Western Approaches (700–900) // *Ibid.* P. 414–423.

⁵ *Brubaker, Haldon.* Byzantium in the Iconoclast Era... P. 80–83.

⁶ *Theophanis.* Chronographia / C. de Boor, rec. Vol. 1. Lipsiae, 1883. P. 404.3–9.

Церковные соборы 754 и 787 гг.

Первый шаг был сделан иконоборцами. Как известно, Константинополь не разорвал культурные связи с отторгнутыми от него в результате арабских завоеваний восточными регионами. Иконоборческая политика в Византии вызвала ответную реакцию со стороны Восточных Церквей. Последующие историографическая и агиографическая традиции сделали все, чтобы представить эту реакцию как беспромедлительное и бескомпромиссное осуждение иконоборческой ереси, однако новейшие исследования убедительно показали, что вовлеченность восточных патриархов в иконоборческую проблематику была существенно меньше, чем хотелось бы полемистам-иконопочитателям, поскольку они, как правило, предпочитали не вмешиваться в чуждый им спор⁷.

Как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что одним из самых сильных голосов, выступавшим в защиту иконопочитания на начальных этапах споров, был голос прп. Иоанна Дамаскина, звучавший из-за пределов империи — из Арабского халифата.

Попытка иконопочитателей внутри империи опереться на этот голос позволила императору-иконоборцу Константину V обратить против них мощнейшее оружие государственной пропаганды. На иконоборческом соборе 754 г. в Иерии он попытался представить внутреннюю оппозицию внешней и тем самым дискредитировать ее, изобразив Иоанна Дамаскина агентом внешнего влияния. Анафема Иоанну была сформулирована так: «Злоименному и мыслящему по-сарацински Мансуру (Μανσοῦρ τῷ κακωνύμῳ καὶ σαρακηνόφρονι) анафема. Служителю икон и поддельщику Мансуру анафема. Поругателю Христа, злоумышлявшему против царства (ἐπιβούλῳ τῆς βασιλείας) Мансуру анафема. Учителю нечестия и искажителю божественного Писания Мансуру анафема»⁸.

Обратим внимание на три момента. Во-первых, Иоанн назван своим звучащим для греческого уха экзотично (и тем самым подозрительно) фамильным именем⁹, которое снабжено характеристикой «злоименный». Компаунды со вторым элементом -ώνυμος в византийском словоупотреблении описывали связь имени и внутренней сущности названного этим именем лица или явления и часто использовались в языковой игре. Так, эпитет φερώνυμος указывал на то, что, по мнению говорящего, человек, носящий некое имя, носит его заслуженно, а ψευδώνυμος, напротив, — на то, что он не по праву присваивает себе имя, не отвечающее его качествам. Последний эпитет приобрел особую важность

⁷ *Signes-Codoñer J.* Melkites and Icon Worship during the Iconoclast Period // *Dumbarton Oaks Papers*. 2013. Vol. 67. P. 135–187.

⁸ *Concilium universale Nicaenum Secundum / E. Lamberz, ed. Pt. 3: Concilii actiones VI–VII, Tarasii et synodi epistulae, Epiphaniï sermo laudatorius, canones, Tarasii epistulae post synodum scriptae, appendix graeca.* Berlin, 2016. P. 782.4–7. Здесь и далее перевод с греческого выполнен автором статьи.

⁹ *Auzépy M.-F.* De la Palestine à Constantinople (8e–9e siècles): Étienne le Sabaïte et Jean Damascène // *Travaux et mémoires*. 1994. Vol. 12. P. 193–204; *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 1. Abteilung (641–867) / R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch u.a., Hrsg. 7 Bde.* Berlin; N. Y., 1998–2001 (далее — PmbZ). N 2969.

именно в ходе иконоборческих споров¹⁰. Во-вторых, Иоанн назван «мыслящим по-сарацински», то есть его не византийское подданство как будто бы делает не византийским и не христианским его образ мыслей¹¹. В-третьих, Иоанн описан как «злоумышленник против царства», и это доводит обвинение до логического завершения, переводя его из религиозного плана в политический: Иоанн говорит не просто из-за пределов Византии, а из мусульманского государства, и его действия являются намеренно антихристианскими и антивизантийскими¹². Все эти приемы экстерииоризации позволяют превратить внутрихристианское и внутриимперское столкновение в конфликт византийского и не византийского или даже христианского и не христианского и тем самым ослабить позиции иконопочитательской оппозиции.

Ответный ход был сделан на VII Вселенском (II Никейском) соборе 787 г., отвергнувшем постановление иконоборческого собора 754 г. Разбору подвергся и процитированный нами фрагмент. Защиту Иоанна Дамаскина участники собора строили следующим образом: «Иоанн, которого они в поругание называют Мансуром (Ἰωάννης δέ, ὃς παρ' αὐτῶν ὑβριστικῶς Μανσοῦρ προσήγορεύεται), оставив все и подражая евангелисту Матфею, последовал за Христом, посчитав поношение Христово большим для себя богатством нежели сокровища (Евр 11. 26) Аравии (ἐν Ἀραβίᾳ), и избрал страдание с народом Божиим вместо преходящего греховного наслаждения. Итак, приняв на себя свой крест и последовав за Ним, он через Христа протрубил с Востока ради Христа и Христовых [учеников], считая нестерпимым возникшее в чужой земле (ἐν ἀλλοδαπῇ) нововведение и незаконное злоумышление и иступленное беснование против святой кафолической Церкви Божией»¹³.

В этом фрагменте нам также будут важны три детали. Во-первых, Иоанн назван своим монашеским именем, а фамильное имя Мансур приписывается его оппонентам. Хотя формально в арабском имени Иоанна не было ничего оскорбительного, его чужеродное звучание само по себе играло на дефамацию его носителя. Отметим, что в «Хронике» Феофана Исповедника предложена более сложная схема: Константин V переименовал Иоанна, превратив «его отеческое имя “Мансур”, что значит “освобожденный”, в “Манзир”»¹⁴. Вполне возможно, что версия Феофана не отражает реальность эпохи Константина, а представляет собой усложняющую реконструкцию. Впрочем, по мнению С. Геро, подобная языковая игра не потребовала бы от Константина особых познаний в иврите, поскольку ругательство «мамзер» могло быть в ходу у грекоязычных жителей

¹⁰ Луховицкий Л. В. Ψευδώνυμος и ἀφευδῆς εἰκόν в иконоборческих спорах // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2011. № 15. С. 348–361.

¹¹ Отметим, что в дальнейшем этот эпитет был перехвачен противоположной стороной — иконопочитателями, которым нужно было доказать внешнее (восточное) происхождение иконоборчества, см.: *Theophanis Chronographia*... P. 405.14.

¹² Speck P. Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren: Untersuchungen zur Revolte des Artabasdos und ihrer Darstellung in der byzantinischen Historiographie. Bonn, 1981. S. 241–242.

¹³ Concilium universale Nicaenum... P. 782.28–784.4.

¹⁴ *Theophanis Chronographia*... P. 417.19–20. Вероятно, передача евр. «mamzer» — «незаконнорожденный ребенок».

Константинополя¹⁵. Как бы то ни было, свидетельство Феофана — явный отзвук попытки Константина скомпрометировать Иоанна, подчеркнув его восточное происхождение. В этом смысле утверждение отцов II Никейского собора, что имя «Мансур» произносилось иконоборцами «в поругание», оказывается вполне достоверным: иконоборцы не изобрели это имя, но успешно использовали его как пейоратив¹⁶. Во-вторых, авторы опровержения помещают в процитированный пассаж измененную цитату из Евр 11. 26 с актуализирующей заменой «Египетских сокровищ» оригинального рассказа о Моисее на «сокровища Аравии». В-третьих, авторы опровержения подчеркивают, что Иоанн обратился к полемике с иконоборцами, видя ересь, возникшую «в чужой земле», то есть Византийская империя описана как государство внешнее по отношению к Иоанну. Две эти детали нужны для того, чтобы утвердить право Иоанна вмешиваться в, казалось бы, напрямую не затрагивающий его (как подданного халифата) конфликт. Полемическая установка отцов II Никейского собора такова: с тем, что Иоанн не византиец, спорить нельзя, но как христианин и дитя Вселенской Церкви (что подчеркнуто использованием монашеского имени в первой же строке) он имеет полное право вмешиваться в религиозную жизнь Византийской империи.

Полемические стратегии между двумя иконоборчествами: случай «Жития Стефана Нового» (807/809 г.)

Намеченная на II Никейском соборе полемическая линия была развита в ключевом тексте межиконоборческого периода (787–815) — Житии мученика Стефана Нового, написанном Стефаном Диаконом¹⁷. Этот текст был создан спустя 42 года после кончины святого, которая датируется 765 или 767 г., то есть либо в 807, либо в 809 г.¹⁸ Всестороннему историко-филологическому исследованию этого памятника посвящена блестящая монография М.-Ф. Озепи. Согласно ее теории, Житие было написано для того, чтобы, во-первых, в доступной форме донести до читателей богословскую и экклезиологическую программу II Никейского собора, а во-вторых, заретушировать участие Стефана в политическом заговоре против Константина V в 766 г., причины которого не имели прямого отношения к иконоборческой проблематике. Широкий хронологический охват и множество ересиологических и исторических экскурсов делали Житие своеобразной официальной патриаршей историей иконоборчества, облеченной в увлекательную для читателя агиографическую форму¹⁹.

¹⁵ Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III: With Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1973. P. 62, n. 11.

¹⁶ Еще одна версия предложена в «Житии» Стефана Нового (о нем см. ниже): Константин «прозвал» Иоанна Мансуром: *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre* / М.-Ф. Аузэпу, introd., éd. et trad. Aldershot; Brookfield, 1997. P. 126.4.

¹⁷ Halkin F. *Bibliotheca hagiographica graeca*. 3 vols. Bruxelles, 1957³ (далее — BHG). N 1666.

¹⁸ Déroche V. Note sur la Vie d'Étienne le Jeune et sa chronologie interne // *Revue des études byzantines*. 2002. Vol. 60. P. 179–188.

¹⁹ Аузэпу М.-Ф. *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot; Brookfield, 1999.

Агиограф помещает важный для нас эпизод²⁰ в рассказ об иконоборческой политике Константина V. В самом начале гонений святой, обращаясь к своим ученикам, говорит следующее: «У нас существуют три области (τῶν καθ' ἡμᾶς μερῶν), которые не приобщились этой мерзкой ереси, я советую вам бежать туда. Ведь не осталось иного места под властью змия (ἄλλος τις τόπος ὅστις ἐστὶν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ δράκοντος), которое бы не подчинилось его пустословию». В ответ на их вопрос он поясняет, что речь идет о трех регионах — Северном Причерноморье, Южной Италии (вплоть до Рима) и южном побережье Малой Азии (от Ликии до Сирии, включая Кипр). Из приведенной цитаты следует, что названные регионы были должны, во-первых, не подчиниться иконоборчеству, а во-вторых, формально находиться во власти византийского императора. Однако Озепи убедительно показала, что если мы говорим о состоянии дел на 754 г., эти территории двум заявленным критериям не отвечают²¹. Было бы излишне воспроизводить аргументы исследовательницы относительно первого критерия, но даже мало знакомому с реалиями иконоборческой эпохи читателю очевидно, что ни Сиро-Палестинская часть третьего региона (в перечне городов этой области названы Тир, Триполи и Яффа), ни тем более Рим «под властью змия» не находились. Таким образом, в интерпретации агиографа невизантийские земли включаются в Византию, а значит, император-иконоборец теряет легитимность внутри империи — пусть формально под его властью много территорий, они не лояльны ему, и тем самым он не законный император, а узурпатор (чуть ниже в тексте он действительно будет назван τύραννος). Парадоксальным образом, пообещав показать, как ничтожно мало осталось регионов, свободных от иконоборчества, Стефан в действительности, напротив, всей своей речью убеждает читателя в обратном. Следовательно, полемический прием, использованный Константином V в 754 г., опрокидывается: внешнее давление на империю представляется внутренним.

Как мы сказали в самом начале, за период иконоборчества границы Византийской империи и Константинопольского патриархата совпали, поэтому если Константинополь провозглашал еретическое учение, то в ересь по необходимости впадало и все государство. Стефан Диакон размывает эти границы, как будто бы включая в империю территории, находящиеся под другими церковными юрисдикциями (восточных патриархов и Римского престола). Благодаря этому у читателя должно складываться впечатление, что учение, принятое Константинопольским патриархатом, маргинально, а в Церкви — даже внутри империи — звучат разные голоса.

²⁰ La Vie d'Étienne le Jeune... P. 125.12–25.

²¹ *Auzépy*. L'hagiographie et l'iconoclasme... P. 272–284. В других работах, напротив, этот пассаж «Жития» Стефана используется как важное историческое свидетельство о степени укоренности столичной иконоборческой позиции в отдаленных регионах империи: *Ahrweiler H.* The Geography of the Iconoclast World // *Iconoclasm: Papers given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975* / A. Bryer, J. Herrin, eds. Birmingham, 1977. P. 24–25.

Внешнеполитический проект прп. Феодора Студита
и свт. Никифора Константинопольского (815–820)

Всего через несколько лет после создания Жития Стефана Нового иконоборческая политика была возобновлена императором Львом V Армянином (813–820). После низложения патриарха Никифора (806–815) и отправки в ссылку прп. Феодора Студита два лидера иконопочитательской оппозиции, забыв о прежних размолвках, начали совместный внешнеполитический проект, ключевой фигурой в котором стал будущий патриарх Мефодий I (843–847). Кто играл в этом проекте ведущую роль, не так важно. Византийские историки приписывают инициативу смещенному патриарху²², некоторые исследователи принимают их точку зрения²³, в то время как другие сомневаются в достоверности сообщений о близости Мефодия и Никифора в столь ранний период²⁴. Как бы то ни было, основным источником сведений об этом дипломатическом проекте являются письма Феодора Студита²⁵. Именно в них мы обнаруживаем идеологическое обоснование возможности обращаться за помощью к внешней не-византийской силе в борьбе с еретической светской и церковной властью внутри империи.

В Рим к папе Пасхалию I (817–824), на Восток к патриархам и в самые крупные монастыри были отправлены эмиссары с посланиями от Феодора, в которых тот описывал бедственное положение дел в Византии после возобновления иконоборческой политики и просил помощи в борьбе с ересью. Западные послания этого периода — это два письма к папе (ер. 271–272²⁶), письмо доверенному лицу Феодора в Риме архимандриту Василию²⁷ (ер. 273) и письмо агентам влияния иконопочитательской оппозиции в Риме — Мефодию и Иоанну Монеувасийскому (ер. 274)²⁸. К этой группе примыкают ерр. 377–379, из которых мы узнаем, как ученик Феодора Епифаний²⁹, который должен был доставить в Рим ерр. 272–273, был схвачен иконоборцами и не смог выполнить поручение. Восточная группа посланий включает практически идентичные обращения к Александрийскому патриарху (ер. 275)³⁰, Иерусалимскому патриарху (ер. 276), в Лавру

²² *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / I. Thurn, rec. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 87.80–81; *Iosephi Genesii Regum libri quattuor* / A. Lesmueller-Werner, I. Thurn, rec. Berolini; Novi Eboraci, 1978. P. 59.55–56.

²³ *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 83–84.

²⁴ *Zielke B.* Methodios I (843–847) // *Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit: Germanos I. — Methodios I. (715–847)* / R.-J. Lilie, Hrsg. Frankfurt am Main; Berlin u.a., 1999. S. 189–195.

²⁵ *Pratsch Th.* Theodoros Studites (759–826) zwischen Dogma und Pragma: Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch. Frankfurt am Main; Berlin u.a., 1998. S. 253–254.

²⁶ Здесь и далее нумерация писем по изданию Г. Фатуроса: *Theodori Studitae Epistulae* / G. Fatouros, rec. 2 pts. Berolini; Novi Eboraci, 1992.

²⁷ PmbZ N 919.

²⁸ PmbZ N 3208.

²⁹ PmbZ N 1582.

³⁰ Копия была отослана Антиохийскому патриарху: *Theodori Studitae Epistulae...* Pt. 1. P. 319*.

Саввы Освященного (ep. 277) и в Лавру Харитона (ep. 278), а также менее формальное послание к иерусалимским монахам Исааку и Арсению (ep. 279). Феодор рассчитывал на разную реакцию со стороны своих адресатов в зависимости от их возможностей. Если от восточных патриархов и монастырей он просил прежде всего помощи богословского характера и вдобавок к письмам отправил им свои полемические сочинения против иконоборцев, то от папы Римского он ожидал более решительных мер — созыва антииконоборческого собора, анафематствования иконоборцев и даже посредничества в обращении к франкам для оказания политического давления на империю³¹.

В посланиях Феодора реализована полемическая стратегия, полностью противоположная той, что мы видели в Житии Стефана Нового: если там император-иконоборец изолировался внутри империи, то здесь император-иконоборец (теперь это уже Лев V) изолируется вместе с империей, на которую давит некая внешняя сила, усиливающая оппозиционное давление изнутри. Если автору Жития Стефана было нужно размыть границу между своим и чужим пространством, то Феодор, наоборот, стремился подчеркнуть ее.

Покажем, как Феодор добивался нужного эффекта. Во-первых, он постоянно подчеркивает разницу между «нашей» (Константинопольской) и «вашей» (Римской или какой-либо из восточных) Церквями. Ересь иконоборчества обрушилась именно на τῆ καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίᾳ³², а «ваша Церковь» осталась верна правой вере. При этом они не перестают вместе образовывать μία ἐκκλησία, единство которой основано на том, что «вы укрепляете ваше, заботясь о нашем» (τὸ ὑμέτερον ἀσφαλίζεσθε <...> τὸ ἡμέτερον φροντίζοντες)³³. Во-вторых, Феодор показывает, что прекрасно осознает политические реалии своего времени, к примеру упоминая «владычествующего над вами араба» (ἐπιχειρῶν ὑμῖν Ἄραβ) в послании к Александрийскому патриарху³⁴. Самый яркий пример такого осознания — это пассаж из послания к архимандриту Василию, в котором Феодор признается, что хотел бы добиться помощи от «властителя вашей части ойкумены» (τοῦ κρατοῦντος τῆς καθ' ὑμᾶς οἰκουμένης), т. е. императора франков Людовика I Благочестивого (814–840), «через посредничество первопрестольного» (διὰ τῆς τοῦ πρωτοθρόνου μεσιτείας), т. е. папы Пасхалия³⁵. В-третьих, Феодор как будто бы самоотстраняется от Византии и смотрит на империю глазами своих адресатов — подданных других держав, являющихся чадами Вселенской Церкви, но не обязанных быть лояльными византийскому императору. По его словам, «ни одно место в его (Льва V. — Л. Л.) царстве не устояло» (μὴ ἐλλέλειπται μέρος τῆς ὑπ' αὐτὸν βασιλείας ἐὰν ἄκαθαίρετον)³⁶, т. е. не воспротивилось ереси. Выражение τῆς ὑπ' αὐτὸν βασιλείας вместо ожидаемого τῆς καθ' ἡμᾶς βασιλείας показательны в соположении с виденным нами раньше выражением ἡ καθ' ἡμᾶς

³¹ Alexander P. J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 146–147.

³² Theodori Studitae Epistulae... Pt. 2. P. 400 (ep. 271.8).

³³ Ibid. P. 404 (ep. 273.31–33).

³⁴ Ibid. P. 407 (ep. 275.32).

³⁵ Ibid. P. 404 (ep. 273.24–26).

³⁶ Ibid. P. 410 (ep. 276.46–47).

ἐκκλησία: Феодор не отделяет себя от Византийской Церкви, даже если она впадала в ересь, и в то же время готов противопоставить себя императорской власти.

Если для автора Жития Стефана несовпадение церковных и политических границ было непредставимо и ему требовалось сделать Рим и Сирию византийскими, то для Феодора оно не составляло никакой проблемы. Наоборот, он подчеркивал это несовпадение: в его интерпретации иконоборцы в Константинополе оторвали себя от Вселенской Церкви, следовательно, восточные патриархаты и Рим имеют полное право оказывать на него давление вне зависимости от того, что политически они находятся не в Византии. Как раз напротив, это позволяет им использовать политические и дипломатические ресурсы невизантийских держав для защиты интересов Вселенской Церкви, византийская часть которой впадала в ересь. Обратим внимание, что «Житие» Стефана и послания Феодора разделяет не более десятка лет. Но именно на эти годы приходится признание императорского титула за Карлом Великим со стороны Византии при Михаиле I Рангаве (811–813)³⁷. Впрочем, мы скорее должны видеть здесь не реакцию на окончательное примирение, как со свершившимся фактом, с существованием еще одной империи помимо Византийской, а всего лишь знаковое совпадение.

Была ли эффективна реконструированная нами стратегия Феодора? Для эпохи Льва V ответ на этот вопрос будет скорее положительным. Если на восточном направлении успехи были почти неощутимы³⁸, то дипломатическая миссия к Римскому престолу оказалась весьма плодотворной. Папа Пасхалий не только не принял посланцев от поставленного Львом V иконоборческого патриарха Феодота Касситеры, но также при участии греческих монахов-иконопочитателей в Риме составил догматическое послание к Льву с опровержением иконоборческого учения³⁹. Из сочинения ссыльного патриарха Никифора, которое известно под условным названием «Двенадцать глав против иконоборцев»⁴⁰, следует, что от папы Пасхалия в Константинополь было отправлено посольство, которое передало послание папы императору, но решительно отказалось от какого-либо общения с иконоборческими иерархами, «воздерживаясь от того, чтобы даже видеть их и вступать с ними в разговор, и отказываясь разделить с ними

³⁷ *Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era... P. 363; Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 1. Tl., 1. Hlb.: Regesten von 565–867 / F. Dölger, J. Preisler-Kapeller, A. Riehle, A. E. Müller., Hrsg. 2. Aufl. München, 2009. N 385.*

³⁸ Об этом мы знаем из послания Феодора к патриарху Иерусалимскому Фоме (ep. 469 — между 821 и 826 гг.), которое пронизано горечью оттого, что ответ от восточных патриархов пришел так поздно: *Signes-Codoñer J. Theodore Studite and the Melkite Patriarchs on Icon Worship // L'aniconisme dans l'art religieux byzantin: Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009) / M. Campagnolo, P. Magdalino et al., eds. Geneva, 2015. P. 95–103.*

³⁹ *Paschalis papae Romani Ex litteris ad Leonem imperatorem // Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta iussu Pii IX. Pont. Max. / I. B. Pitra, ed. T. 2. Romae, 1868. P. XI–XVII; Grumel V. Les relations politico-religieuses entre Byzance et Rome sous le règne de Léon l'Arménien // Revue des études byzantines. 1960. Vol. 18. P. 19–44; Noble Th. F. X. Images, Iconoclasm, and the Carolingians. Philadelphia, 2009. P. 254–260.*

⁴⁰ *Grumel V. Les “Douze chapitres contre les iconomaques” de saint Nicéphore de Constantinople // Revue des études byzantines. 1959. Vol. 17. P. 127–135.*

трапезу»⁴¹. Все это позволяло Никифору утверждать, что иконоборцы «отторгнуты от Кафолической Церкви» (τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας ἀπερρηγμένοι εἰσί). Вторил ему и Феодор Студит. В 819 г. он писал своему ученику Навкратию, что после вмешательства папы стало очевидно, что иконоборцы «отторгли себя от тела Христова» (ἐαυτοὺς ἀπέρρηξαν τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ) и теперь «у них нет Востока, они лишены Запада и оторваны от пятиглавого тела Церкви» (Ἀνατολὴν οὐκ ἔχουσιν, Δύσεως ἐστέρηται, τοῦ πεντακρούφου ἐκκλησιαστικοῦ σώματος <...> διεσπλάσθησαν)⁴². В логике Никифора и Феодора иконоборцы не только поставили себя вне Вселенской Церкви, но также сделали себя уязвимыми для политического давления со стороны сопредельных держав.

Иконоборческий ответ (820–824 гг.)

Однако тактика, эффективная в эпоху Льва V, оказалась губительной для иконопочитательской оппозиции в правление Михаила II Травла (820–829), который был готов идти на уступки в догматических вопросах, но при этом крайне нетерпим к политической нелояльности. Когда будущий патриарх Мефодий в 821 г. вернулся в Константинополь, все указывало на то, что иконопочитательская оппозиция одержит верх и Никифор будет восстановлен на Константинопольском престоле: Мефодий заручился поддержкой папы и покинул Рим в качестве его посланца; Михаил не был убежденным иконоборцем, а Константинопольская кафедра после смерти Феодота Касситеры в январе 821 г. пустовала⁴³. Однако вопреки всем ожиданиям Михаил II вообще отказался рассматривать вопрос о почитании икон по существу и потребовал, с одной стороны, полного молчания относительно вопроса, а с другой — лояльности иконоборческой иерархии. В формулировке Игнатия Диякона, автора Жития Никифора (ВНГ, N 1335), распоряжение Михаила состояло в том, чтобы «никто не дерзал свободно говорить против икон или за иконы» и «исчезли с глаз долой соборы Тарасия [II Никейский собор 787 г.], прежний Константина [иконоборческий собор 754 г.], и нынешний, созванный при Льве [иконоборческий собор 815 г.]»⁴⁴. В то же время Михаил подверг Мефодия репрессиям, жестокость которых была связана не столько с иконопочитательскими убеждениями Мефодия, сколько с той ролью, которую ему пришлось играть во внешнеполитическом проекте Феодора и Никифора. Иконопочитатели старались заретушировать этот политический аспект, однако даже в таком ненадежном источнике, как «Житие» Мефодия (ВНГ, N 1278), которое отличается краткостью и, возможно, подвергалось

⁴¹ Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας / Α. Παλαδόπουλος-Κεραμεύς, ἐκδ. Τ. Ι. Ἐν Πετρούπολει, 1891. Σ. 460.2–9.

⁴² *Theodori Studitae Epistulae*... P. 564–565 (ep. 407.3–24).

⁴³ *Zielke. Methodios*... S. 200. Иконопочитательская оппозиция внутри империи также потребовала восстановления Никифора, когда в начале 821 г. ее представители, в т. ч. Феодор Студит, были лично приняты и выслушаны Михаилом II: *Афиногенов. Константинопольский патриархат*... С. 80–82; *Pratsch. Theodoros Studites*... S. 263–272.

⁴⁴ *Ignatii Diaconi Vita Nicephori // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica* / C. de Boor, ed. Leipzig, 1880. P. 210. Сходные формулировки различных редакций «Житий» Феодора Студита и их анализ см. в: *Pratsch. Theodoros Studites*... S. 269–270.

идеологической правке⁴⁵, можно увидеть намек на действительную причину расправы над Мефодием. Если сначала в нем сказано, что святой был подвергнут бичеванию и заключению «как источник волнения и соблазнов» (ὡς ταραχῆς... αἴτιον καὶ σκανδάλων)⁴⁶, то затем император Феофил (829–842) прямо обвиняет святого в том, что тот «подговорил папу Римского послать томосы» (τὸν πάπαν Ῥώμης παρασκευάσαι τόμους καταλέμψαι) его отцу Михаилу II⁴⁷. Еще более откровенен автор «Жития» прп. Давида, Симеона и Георгия Митиленских (ВНГ, N 494), который признает, что во времена Михаила II гонения на иконопочитателей ослабли, «поскольку этот император не навредил никому из святых, кроме лишь великого и божественного Мефодия, бывшего архидиаконом при святом патриархе Никифоре, за его тайный отъезд в Рим (διὰ τὸ λάθρα αὐτὸν ἐν τῇ Ῥώμῃ ἀπεληλυθέναι)»⁴⁸.

Более того, как мы уже не раз наблюдали, противоположная сторона с поразительной быстротой взяла на вооружение изобретенный противниками прием. В апреле 824 г. от имени Михаила II и его малолетнего сына Феофила Людовика I Благочестивому было отправлено послание, в котором Михаил постарался привлечь на свою сторону франкского императора и через его посредничество папу Римского и маргинализировать иконопочитательскую оппозицию как внутри империи, так и за ее пределами⁴⁹. Во 2-й части послания Михаил подробно описывал суеверия и полуязыческие обряды, которые, по его мнению, были неразрывно связаны с практикой иконопочитания⁵⁰, а затем переходил к рассказу об иконопочитательской оппозиции. По его словам, это небольшая группа, которая не желает подчиниться постановлениям поместных соборов: «...они бегут отсюда и приходят в древний богохранимый Рим, привнося неправду и клевету на Церковь и оторвав себя от истинной веры»⁵¹. По просьбе Михаила эти «рядящиеся в христианские одежды обольстители» (*seductores pseudochristiani*) должны быть изгнаны папой из Рима⁵². Обратим внимание, что послание обращено не только к самому Людовику как к «духовному брату» (*spirituali fratri*), но также и «ко всем верным православным христианам нашего единого племени»

⁴⁵ Zielke. Methodios... S. 183–185.

⁴⁶ Vita Methodii patriarchae // Patrologiae cursus completus. Series graeca / J.-P. Migne, ed. T. 100. P., 1860. Col. 1248C.

⁴⁷ Ibid. Col. 1252A.

⁴⁸ Van den Gheyn I. Acta graeca ss. Davidis, Symeonis et Georgii, Mitylenae in insula Lesbo // Analecta bollandiana. 1899. T. 18. P. 237.

⁴⁹ Michaelis et Theophili imperatorum Constantinopolitanorum Epistola ad Hludowicum imperatorem directa // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio III: Concilia. T. 2: Concilia aevi Carolini. Pt. 2 / A. Werminghoff, rec. Hannoverae; Lipsiae, 1908. P. 475–480. Мнение К. Зоде о том, что этот источник интерполирован (*Sode C. Der Brief der Kaiser Michael II. und Theophilus an Kaiser Ludwig den Frommen // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / L.-M. Hoffmann, A. Monchizadeh, Hrsg. Wiesbaden, 2005. S. 141–158*), не было принято научным сообществом: Regesten der Kaiserurkunden... N 408.

⁵⁰ Об исторической подоплеке этих обвинений см.: Baranov V. Constructing the Underground Community: The Letters of Theodore the Studite and the Letter of Emperors Michael II and Theophilus to Louis the Pious // Scrinium. 2010. Vol. 6. P. 230–259.

⁵¹ Michaelis et Theophili Epistola... P. 479.22–24.

⁵² Ibid. P. 479.41–480.2.

(omnibus unius tribus nostrae fidelibus et orthodoxis Christianis). У нас нет данных о том, распространялось ли послание Михаила внутри империи, но апелляция ко столь широкой аудитории позволяет прочитать его как обращение не столько к одному адресату вне империи, сколько к ее подданным внутри. Переворачивая полемический прием своих оппонентов, Михаил как будто бы объявляет внутренней оппозиции, что попытка обратиться к внешней силе обречена на провал. В интерпретации Михаила Вселенская Церковь едина в борьбе с ересью иконопочитания, а император франков связан с императором Византии узами духовного братства. Следовательно, агенты иконопочитательского влияния в Риме окажутся так же маргинальны, как их лидеры в подполье в Византии, и их окончательное подавление — всего лишь вопрос времени. В то же время послание не содержало никаких радикальных иконоборческих положений, а осуждение злоупотреблений, перечисленных Михаилом (примешивание краски с икон к Святым Дарам или случаи, когда иконы назначались восприемниками при крещении), не создавало непреодолимой пропасти между иконопочитателями и иконоборцами, поскольку подобные практики подвергались осуждению обеих сторон⁵³. Формально посвященное иконоборческой пропаганде послание, таким образом, в действительности имело не догматический, а политический характер. Главным в нем было не доказательство верности иконоборческого курса, а заявление о недопустимости и бесперспективности апелляции к внешней силе для давления на императорскую власть.

Заключение

Сколь бы глубока ни была пропасть между языками богословия иконопочитателей и иконоборцев⁵⁴, в полемике они пользовались одними и теми же приемами и одним и тем же языком. К сожалению, дошедшие до нас фрагменты сочинений иконоборцев почти никогда не позволяют реконструировать их стиль, риторику и полемическую программу. Счастливое исключение — постановление Иерийского собора, сохранившееся во всей полноте в составе Деяний II Никейского собора. Именно на Иерийском соборе император Константин V совершил первый ход в многолетней полемической игре, которую мы постарались проследить в настоящей статье. Попытка скомпрометировать внутреннюю иконопочитательскую оппозицию, выставив авторитетного для нее богослова Иоанна Дамаскина агентом внешнего влияния, породила ответную реакцию со стороны иконопочитателей в межиконоборческий период. При этом были предложены две в чем-то противоположные стратегии. Если отцы II Никейского собора в 787 г. защищали право Иоанна Дамаскина вмешиваться в дела империи извне, то Житие Стефана Нового, которое родилось в недрах патриаршего ведомства в 807 или 809 г., намеренно размывало политические границы империи и превращало давление извне в давление изнутри.

В 815 г. иконопочитатели вновь превратились в оппозицию, и ее лидеры приняли решение воплотить намеченную на II Никейском соборе линию. Ссыл-

⁵³ Афиногенов. Константинопольский патриархат... С. 82–83.

⁵⁴ Луховицкий. Ψευδώνυμος и ἀψευδής εἰχών...

ные патриарх Никифор и Феодор Студит развернули проект по привлечению вневизантийской силы для давления на иконоборческую императорскую власть и церковную иерархию. Их деятельность на восточном направлении была малоэффективна, но в переговорах с Римом они добились больших успехов. Однако события начала правления Михаила II (расправа над будущим патриархом Мефодием и прямое обращение императора-иконоборца к Риму и франкам, в какой-то мере подсказанное иконопочитателями и сводящее на нет их усилия в прежние годы) показали, что решение иконопочитательской оппозиции опереться на внешнюю силу было недалевидно. Возможно, именно оно отсрочило восстановление иконопочитания еще на два десятилетия.

Вместе с тем использованная Феодором Студитом полемическая стратегия осталась в культурной памяти византийцев, и сочинения постиконоборческой эпохи, вопреки фактам, представляют внешнеполитический проект Феодора вполне успешным. Яркий пример — Житие Михаила Синкелла (ВНГ, N 1296), памятник конца IX в.⁵⁵, лежащий в основе целого корпуса агиографических сочинений, прославляющих исповедников Михаила Синкелла и братьев Феодора и Феофана Начертанных. В изложении анонимного агиографа миссия палестинских подвижников в Константинополь, в конечном счете подготовившая почву для восстановления иконопочитания в 843 г., не была непосредственно связана с иконоборческой политикой Льва V⁵⁶. Но толчком к вмешательству святых в конфликт стали именно дипломатические усилия Феодора Студита: он отправил Иерусалимскому патриарху Фоме письмо с просьбой «помочь и защитить вместе с ним Константинопольскую Божию Церковь, которой угрожают безбожные еретики-иконоборцы», и именно «по этой причине» (ταύτης ἕνεκα τῆς αἰτίας) патриарх составил догматическое послание к византийскому императору и Константинопольскому патриарху, которое поручил доставить братьям Начертанным и Михаилу⁵⁷. Несмотря на то что хронологическая последовательность, предложенная в «Житии», невозможна (миссия Михаила в Рим и Константинополь на несколько лет предшествует восточным посланиям Феодора Студита)⁵⁸, мы, вне всякого сомнения, видим здесь ценное свидетельство того, как отразилось в памяти поколений представление о помощи, полученной иконопочитателями из-за пределов империи.

Ключевые слова: Византия, иконоборчество, Каролингская империя, агиография, Феодор Студит, Стефан Новый, Иерийский собор, II Никейский собор, Константин V, Константинопольский патриархат.

⁵⁵ Sode C. Jerusalem — Konstantinopel — Rom: Die Viten des Michael Synkellos und der Brüder Theodoros und Theophanes Graptoi. Stuttgart, 2001. S. 146–147, 258.

⁵⁶ Луховицкий Л. В. Миссия прп. Михаила Синкелла и братьев Начертанных в источниках IX–XIV вв.: Принципы метафразы и историческая память об иконоборчестве // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2013. Вып. 4 (34). С. 61–64.

⁵⁷ The Life of Michael the Synkellos / M. B. Cunningham, ed., transl., and comment. Belfast, 1991. P. 58.20–29. Само письмо, достоверность которого крайне сомнительна, приведено дальше: Ibid. P. 64–66.

⁵⁸ Sode. Jerusalem — Konstantinopel — Rom... S. 207–208, 213.

Список литературы

- Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.
- Луховицкий Л. В.* Миссия прп. Михаила Синкелла и братьев Начертанных в источниках IX–XIV вв.: Принципы метафразы и историческая память об иконоборчестве // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2013. Вып. 4 (34). С. 58–73.
- Луховицкий Л. В.* Ψευδώνυμος и ἀψευδής εἰκὼν в иконоборческих спорах // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2011. № 15. С. 348–361.
- Ahrweiler H.* The Geography of the Iconoclast World // Iconoclasm: Papers given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975 / A. Bryer, J. Herrin, eds. Birmingham, 1977. P. 21–28.
- Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958.
- Auzépy M.-F.* L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune. Aldershot; Brookfield, 1999.
- Auzépy M.-F.* De la Palestine à Constantinople (8e–9e siècles): Étienne le Sabaïte et Jean Damascène // Travaux et mémoires. 1994. Vol. 12. P. 183–218.
- Auzépy M.-F.* State of Emergency (700–850) // The Cambridge History of the Byzantine Empire (c. 500–1492) / J. Shepard, ed. Cambridge, 2008. P. 251–291.
- Baranov V.* Constructing the Underground Community: The Letters of Theodore the Studite and the Letter of Emperors Michael II and Theophilos to Louis the Pious // Scrinium. 2010. Vol. 6. P. 230–259.
- Brubaker L., Haldon J.* Byzantium in the Iconoclast Era (c. 680–850): A History. Cambridge, 2011.
- Concilium universale Nicaenum Secundum / E. Lamberz, ed. Pt. 3: Concilii actiones VI–VII, Tarasii et synodi epistulae, Epiphanius sermo laudatorius, canones, Tarasii epistulae post synodum scriptae, appendix graeca. Berlin, 2016.
- Déroche V.* Note sur la Vie d'Étienne le Jeune et sa chronologie interne // Revue des études byzantines. 2002. Vol. 60. P. 179–188.
- Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III: With Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1973.
- Grumel V.* Les “Douze chapitres contre les iconomaques” de saint Nicéphore de Constantinople // Revue des études byzantines. 1959. Vol. 17. P. 127–135.
- Grumel V.* Les relations politico-religieuses entre Byzance et Rome sous le règne de Léon l'Arménien // Revue des études byzantines. 1960. Vol. 18. P. 19–44.
- Haldon J. F.* Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge, 1990.
- Haldon J.* The Palgrave Atlas of Byzantine History. L., 2005.
- Halkin F.* Bibliotheca hagiographica graeca. 3 vols. Bruxelles, 1957³.
- Ignatii Diaconi Vita Nicephori* // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica* / C. de Boor, ed. Leipzig, 1880. P. 139–217.
- Ioannis Scylitzae.* Synopsis historiarum / I. Thurn, rec. Berolini; Novi Eboraci, 1973.
- Iosephi Genesisii.* Regum libri quattuor / A. Lesmueller-Werner, I. Thurn, rec. Berolini; Novi Eboraci, 1978.
- The Life of Michael the Synkellos / M. B. Cunningham, ed., transl., and comment. Belfast, 1991.
- McCormick M.* Western Approaches (700–900) // The Cambridge History of the Byzantine Empire (c. 500–1492) / J. Shepard, ed. Cambridge, 2008. P. 395–432.

- Michaelis et Theophili imperatorum Constantinopolitanorum* Epistola ad Hludowicum imperatorem directa // Monumenta Germaniae historica. Legum sectio III: Concilia. T. 2: Concilia aevi Carolini. Pt. 2 / A. Werminghoff, rec. Hannoverae; Lipsiae, 1908. P. 475–480.
- Noble Th. F. X.* Images, Iconoclasm, and the Carolingians. Philadelphia, 2009.
- Paschalis papae Romani* Ex litteris ad Leonem imperatorem // Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta iussu Pii IX. Pont. Max. / I. B. Pitra, ed. T. 2. Romae, 1868. P. XI–XVII.
- Pratsch Th.* Theodoros Studites (759–826) zwischen Dogma und Pragma: Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch. Frankfurt am Main; Berlin u.a., 1998.
- Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 1. Abteilung (641–867) / R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch u.a., Hrsg. 7 Bde. Berlin; N. Y., 1998–2001.
- Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 1. Tl., 1. Hlb.: Regesten von 565–867 / F. Dölger, J. Preiser-Kapeller, A. Riehle, A. E. Müller., Hrsg. 2. Aufl. München, 2009.
- Signes-Codoñer J.* Melkites and Icon Worship during the Iconoclast Period // *Dumbarton Oaks Papers*. 2013. Vol. 67. P. 135–187.
- Signes-Codoñer J.* Theodore Studite and the Melkite Patriarchs on Icon Worship // *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin: Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)* / M. Campagnolo, P. Magdalino et al., eds. Geneva, 2015. P. 95–103.
- Sode C.* Der Brief der Kaiser Michael II. und Theophilos an Kaiser Ludwig den Frommen // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / L.-M. Hoffmann, A. Monchizadeh, Hrsg. Wiesbaden, 2005. S. 141–158.
- Sode C.* Jerusalem — Konstantinopel — Rom: Die Viten des Michael Synkellos und der Brüder Theodoros und Theophanes Graptoi. Stuttgart, 2001.
- Speck P.* Artabasdos, der rechthgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren: Untersuchungen zur Revolte des Artabasdos und ihrer Darstellung in der byzantinischen Historiographie. Bonn, 1981.
- Theodori Studitae* Epistulae / G. Fatouros, rec. 2 pts. Berolini; Novi Eboraci, 1992.
- Theophanis.* Chronographia / C. de Boor, rec. Vol. 1. Lipsiae, 1883.
- Van den Gheyn I.* Acta graeca ss. Davidis, Symeonis et Georgii, Mitylenae in insula Lesbo // *Analecta bollandiana*. 1899. T. 18. P. 209–259.
- La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre / M.-F. Auzépy, introd., éd. et trad. Aldershot; Brookfield, 1997.
- Vita Methodii patriarchae // *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / J.-P. Migne, ed. T. 100. P., 1860. Col. 1244–1261.
- Zielke B.* Methodios I. (843–847) // *Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit: Germanos I. — Methodios I. (715–847)* / R.-J. Lilie, Hrsg. Frankfurt am Main; Berlin u.a., 1999. S. 186–260.
- Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας / Ἄ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, ἐκδ. Τ. 1. Ἐν Πετρούπολει, 1891.

BYZANTINE OECUMENE IN THE ICONOCLAST CONTROVERSY

L. LUKHOVITSKIY

In 754, Emperor Constantine V sought to defame the iconophile opposition by labeling John Damascene an agent of Arab influence. In response, in 787 fathers of Nicaenum II made a case for justifying external interference in religious life of the Byzantine Empire. This claim was continued in polemical writings of the early 9th century. The author of the *Life of St. Stephen the Younger* presented external political pressure on the Empire as being internal by making the saint deliver a sermon on the geography of the iconoclast world, in which political borders and ecclesiastical jurisdictions were deliberately distorted. In the late 810s, Theodore Studite and Patriarch Nicephorus started a joint diplomatic enterprise aiming to increase the outward political pressure on the recently reestablished iconoclast policy of Leo V. A careful reading of Theodore's letters and Nicephorus' writings from exile sheds light on the ideological basis of this pressure. Emperor Michael II, in his turn, made use of his opponents' strategy and himself tried to gain support of an external power, the Carolingian empire, in his struggle against the iconophile opposition. Despite the fact that iconophile diplomatic efforts had negative rebound effects during the reign of the moderate iconoclast Michael II, they have been preserved in the Byzantine cultural memory.

Keywords: Byzantium, iconoclasm, Carolingian Empire, hagiography, Theodore Studite, Stephen the Younger, Council of Hieria, Nicaenum II, Constantine V, Patriarchate of Constantinople.

References

- Afinogenov D. E., *Konstantinopol'skii patriarkhat i ikonoborcheskii krizis v Vizantii (784–847)*, Moscow, 1997.
- Ahrweiler H., "The Geography of the Iconoclast World", in: A. Bryer, J. Herrin, ed., *Iconoclasm. Papers given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975*, Birmingham, 1977, 21–28.
- Alexander P. J., *The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire*, Oxford, 1958.
- Auzépy M.-F., "De la Palestine à Constantinople (8e-9e siècles): Étienne le Sabaïte et Jean Damascène", *Travaux et mémoires*, 12, 1994, 183–218.
- Auzépy M.-F., *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*, Aldershot, Brookfield, 1999.
- Auzépy M.-F., "State of Emergency (700–850)", in: J. Shepard, ed., *The Cambridge*

- History of the Byzantine Empire (c. 500–1492)*, Cambridge, 2008, 251–291.
- Auzépy M.-F., introd., éd., trad., *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre*, Aldershot, Brookfield, 1997.
- Baranov V., “Constructing the Underground Community: The Letters of Theodore the Studite and the Letter of Emperors Michael II and Theophilos to Louis the Pious”, in: *Scrinium*, 6, 2010, 230–259.
- de Boor C., rec., *Theophanis Chronographia*, 1, Leipzig, 1883.
- de Boor C., rec., *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica*, Leipzig, 1880.
- Brubaker L., Haldon J., *Byzantium in the Iconoclast Era (c. 680–850): A History*, Cambridge, 2011.
- Cunningham M. B., ed., transl., *The Life of Michael the Synkellos*, Belfast, 1991.
- Déroche V., “Note sur la Vie d'Étienne le Jeune et sa chronologie interne”, in: *Revue des études byzantines*, 60, 2002, 179–188.
- Dölger F., Preiser-Kapeller J., Riehle A., Müller A. E., hrsg., *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*, 1/1: *Regesten von 565–867*, 2. Aufl., München, 2009.
- Fatouros G., rec., *Theodori Studitae Epistulae*, 1–2, Berlin, New York, 1992.
- Gero S., *Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III: With Particular Attention to the Oriental Sources*, Leuven, 1973.
- Grumel V., “Les «Douze chapitres contre les iconomaques» de saint Nicéphore de Constantinople”, in: *Revue des études Byzantines*, 17, 1959, 127–135.
- Grumel V., “Les relations politico-religieuses entre Byzance et Rome sous le règne de Léon l'Arménien”, *Revue des études Byzantines*, 18, 1960, 19–44.
- Haldon J., *The Palgrave Atlas of Byzantine History*, London, 2005.
- Haldon J., *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture*, Cambridge, 1990.
- Halkin F., *Bibliotheca hagiographica graeca*, 3e ed., 1–3, Bruxelles, 1957.
- Lamberz E., ed., *Concilium universale Nicaenum Secundum*, 3: *Concilii actiones VI–VII, Tarasii et synodi epistulae, Epiphanius sermo laudatorius, canones, Tarasii epistulae post synodum scriptae, appendix graeca*, Berlin, 2016.
- Lesmueller-Werner A., Thurn I., rec., *Iosephi Genesisii Regum libri quattuor*, Berlin, New York, 1978.
- Lilie R.-J., Ludwig C., Zielke B., Pratsch Th., hrsg., *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*, 1: 641–867, 1–7, Berlin, New York, 1998–2001.
- Lukhovitskii L. V., “Pseudonymos i apseudes eikon v ikonoborcheskikh sporakh”, in: *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya*, 15, 2011, 348–361.
- Lukhovitskii L. V., “Missiia prp. Mikhaila Sinkella i brat'ev Nachertannykh v istochnikakh IX–XIV vv.: Printsipy metafrazy i istoricheskaya pamiat' ob ikonoborchestve”, in: *Vestnik PSTGU, Ser. Filologiya*, 4 (34), 2013, 58–73.
- McCormick M., “Western Approaches (700–900)”, in: J. Shepard, ed., *The Cambridge History of the Byzantine Empire (c. 500–1492)*, Cambridge, 2008, 395–432.
- Noble Th. F. X., *Images, Iconoclasm, and the Carolingians*, Philadelphia, 2009.
- Pratsch Th., *Theodoros Studites (759–826) zwischen Dogma und Pragma: Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch*, Frankfurt am Main, Berlin, 1998.
- Signes-Codoñer J., “Melkites and Icon Worship during the Iconoclast Period”, in: *Dumbarton Oaks Papers*, 67, 2013, 135–187.
- Signes-Codoñer J., “Theodore Studite and the Melkite Patriarchs on Icon Worship”, in: M. Campagnolo, P. Magdalino, M. Martiniani-Reber, A.-L. Rey, dir., *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin. Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)*, Geneva, 2015, 95–103.
- Sode C., “Der Brief der Kaiser Michael II. und Theophilos an Kaiser Ludwig den Frommen”, in: L.-M. Hoffmann, A. Monchizadeh, hrsg., *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur*, Wiesbaden, 2005, 141–158.

- Sode C., *Jerusalem – Konstantinopel – Rom: Die Viten des Michael Synkellos und der Brüder Theodoros und Theophanes Graptoi*, Stuttgart, 2001.
- Speck P., *Artabasdos, der rechtläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren: Untersuchungen zur Revolte des Artabasdos und ihrer Darstellung in der byzantinischen Historiographie*, Bonn, 1981.
- Thurn I., rec., *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*, Berlin, New York, 1973.
- Van den Gheyn I., “Acta graeca ss. Davidis, Symeonis et Georgii, Mitylenae in insula Lesbo”, in: *Analecta bollandiana*, 18, 1899, 209–259.
- Werminghoff A., rec., *Monumenta Germaniae historica, Leges, 3: Concilia, 2: Concilia aevi Carolini*, 2, Hannover, Leipzig, 1908.
- Zielke B., “Methodios I. (843–847),” in: R.-J. Lilie, hrsg., *Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit: Germanos I. – Methodios I. (715–847)*, Frankfurt am Main, Berlin, 1999, 186–260.